

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ СОЦИОЛОГИИ

DOI: 10.24290/1029-3736-2020-26-4-7-34

НОВОЕ СОЦИАЛЬНОЕ НЕРАВЕНСТВО. ОТ ОБЩЕСТВА СРЕДНЕГО КЛАССА К БИПОЛЯРНОМУ ОБЩЕСТВУ*

Н.Л. Полякова, докт. социол. наук, проф. кафедры социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, МГУ, д. 1. стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234**

В статье анализируются социальные трансформации, произошедшие в обществах конца XX — начала XXI в., связанные с процессом формирования радикализованного неравенства, которое вошло в социальную практику и теорию под наименованием “экономики для 1%”.

В статье показывается, что адекватное понимание этого нового типа социального неравенства возможно только при смене методологического подхода. Следует отказаться от конструктивистского подхода в пользу структурализма. Структуралистское прочтение социального неравенства позволяет рассматривать это новое неравенство как объективный социальный порядок, как социальную структуру нового типа общества, задающую жесткие рамки и определяющую возможности и условия жизни индивида.

Новое радикализованное неравенство порождает новый тип современного общества — биполярное общество, замещающее собой общества массового среднего класса второй половины XX в. Биполярное общество графически представляет собой пирамиду с узкой усеченной вершиной и широким социальным низом.

В статье рассматриваются механизмы формирования этого широкого социального низа и лежащие в их основе социальные процессы, а также предлагается социологическая концептуализация этого сложноструктурированного образования, каковым является новый низший класс, занявший осевое, центральное место (прежде занимаемое средним классом) в социальной структуре современных биполярных обществ.

* Статья подготовлена при поддержке РФФИ. Проект № 18-011-01106 “Новые формы социального неравенства и особенности их проявления в современной России”.

** Полякова Наталья Львовна, e-mail: polyakova@socio.msu.ru

Ключевые слова: биполярное общество, общество, общество среднего класса, неравенство, конструктивизм, структурализм, низший класс, низ, популизм.

THE NEW SOCIAL INEQUALITY. FROM MIDDLE CLASS SOCIETY TO BIPOLAR SOCIETY

Polyakova Natalya L., Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: polyakova@socio.msu.ru

The article analyzes the social transformations that have taken place in societies at the turn of the XXI century. These transformations are largely due to formation of radical inequality which is known now both in practice and theory as “1% economy”.

The article demonstrates that adequate understanding of this new type of social inequality is possible only under the condition of change in methodological approach. Constructivist approach should be given up in favour of structuralist approach. The structuralist approach makes it possible to view the new social inequality as an objective social process as the social structure of a new type of society. This social structure and social order determine social chances and life conditions of individuals.

New radical social inequality gives rise to a new type of contemporary society. The bipolar society replaces the mass middle class society of the second half of the XX century. The bipolar society may be graphically presented as a pyramid with a truncated top and a broad social bottom.

The article shows the processes and mechanisms that are forming this broad social bottom. This makes it possible to conceptualize the new social lower class as an axial central component in the structure of contemporary bipolar societies. In this function it has replaced the middle class.

Key words: bipolar society, middle — class society, inequality, constructivism, structuralism, lower class, social bottom, populism.

Новое неравенство и новые теоретические задачи

Историческое движение к биполярному неравенству и биполярному обществу стартовало в 1980 г. Именно в это время проявилось изменение той модели социального порядка и системы социального неравенства, которые сложились к середине XX в.

Начавшийся в 1980-е гг. “поворот к неравенству” стал очевидным, устойчивым и предстал как долгосрочный тренд уже к началу первого десятилетия XXI в., приобретя глобальное распространение, а после кризиса 2008 г. неравенство стало беспрецедентным по своим масштабам. Масштабы этого неравенства хорошо известны и тематизированы и в научных дискуссиях, и в общественном сознании. Речь идет о тезисе, известном как “экономика для 1%”. Основание этого тезиса составляет сравнение доходов 99% нижней части и 1% верхней части населения.

“Экономика для 1%” является шокирующим свидетельством того, что кризис неравенства вышел из-под контроля. По свидетельству Oxfam (Оксфордский комитет помощи голодающим), в 2015 г. 62 человека обладали таким же богатством, как и 3,6 миллиарда человек, образующих “нижнюю половину человечества”, а еще в 2010 г., эта цифра составляла 388 человек. С 2010 по 2015 г. богатство этих 62 увеличилось на 44% (более чем на 542 миллиарда), в то время как у нижней половины оно упало более чем на триллион долларов (падение в 41%).

С начала нового тысячелетия половина населения мира получила всего лишь 1% от общего богатства, в то время как половина этого увеличения ушла верхнему 1%¹.

Эта тенденция радикализации социального неравенства продолжает нарастать. Согласно данным World Inequality Database (ноябрь 2019 г.) две трети населения современного мира живет в странах, в которых неравенство растет. Как указывается в докладе ООН за 2020 г. “Неравенство в быстро изменяющемся мире”, несмотря на экономический прогресс, наблюдаемый в ряде стран, доход и богатство в увеличивающихся размерах концентрируется на вершине социальной пирамиды. Доля дохода, принадлежащая богатейшему 1% увеличилась в 46 из 57 стран и областей, относительно которых имеются данные с 1990 по 2015 г. Нижние 40% глобального населения получили в 2019 г. меньше 25% общего дохода во всех 32 странах, относительно которых имеются данные².

Приводимые в литературе цифры, отражающие уровень неравенства, говорят о многом, и прежде всего о растущей бедности и ее чрезвычайных последствиях. Бедность является одной из ведущих тем современного социально-политического и экономического дискурсов.

Высокое и при этом растущее неравенство в доходах подогревает и интенсивные политические дебаты. Во всем мире, и в сфере теории, и в сфере практики, как на международном, так и на национальном уровне, оформился консенсус относительно признания факта опасности современного неравенства для макроэкономической и социальной стабильности, а также для решения проблемы устойчивого роста.

Однако, широкий, массовый социальный низ исследуется преимущественно посредством показателей дохода и потребления

¹ An economy for the 1%. How privilege and power in the economy drive extreme inequality and how this can be stopped. URL: www.Oxfam.org.210oxfam Briefing paper. 18 January, 2016.

² World Social Report 2020. Inequality in rapidly changing world. Department of economic and social affairs. N.Y., 2020. P. 21.

или в формально-технических показателях различных программ и стратегий устойчивого развития. Этот технологический тренд частично сопровождается критикой возможностей социального государства, а также разработкой практик его перенастройки в направлении поддержания социальных гарантий в сфере социального обеспечения, образования и медицинского обслуживания, а также введения безусловного базового дохода для всего населения и формирования налоговой политики, ориентированной на сокращение неравенства³.

Борьба с бедностью во всех ее формах не является, однако, успешной, хотя мероприятия в этой сфере социальной политики проводятся постоянно. Более того, как утверждает Энтони Аткинсон, “происходит нечто прямо противоположное”. Он приводит данные (2014 г.) Комитета по социальной защите ЕС, согласно которым “после 2008 г. количество людей, живущих в условиях бедности или социального исключения, в странах Европейского союза выросло на 6,7 миллиона, достигнув в 2012 г. в общей сложности 124,2 млн. человек (т.е. бедным был почти каждый четвертый европеец)”⁴. И в этой связи значимым является тот факт, что как правило “большей степени бедности на одном полюсе соответствует увеличенная доля максимальных доходов на другом”⁵, т.е. поляризация неравенства имеет тенденцию к интенсификации.

Анализ происходящего позволяет предположить, что налицо теоретические просчеты в анализе проблем социального неравенства, которые связаны с господствующей в настоящее время индивидуалистско-конструктивистской методологией, позволяющей свести интерпретацию неравенства к формально-техническим показателям. Это сильнее всего проявляется в таком официальном документе как Agenda 2030.

Agenda 2030 — Повестка дня, принятая в 2015 г. ООН в качестве глобальной стратегии устойчивого развития до 2030 г. и состоящая из 17 главных целей, включающих в числе прочих обеспечение благополучия и ликвидацию нищеты — призывает к обеспечению равных возможностей доступа для индивидов несмотря на различия в возрасте, поле, трудоспособности, расе, этничности, религиозной принадлежности, экономическом и прочем статусе. Все должны пользоваться равным доступом. Это означает, что “шансы индиви-

³ См., например: *Аткинсон Э. Неравенство: Как с ним быть? М., 2018. С. 407–410; 507–516.*

⁴ Там же. С. 52.

⁵ Там же. С. 53.

да на успех и экономическое процветание не должны определяться обстоятельствами, находящимися вне его зоны контроля”⁶.

Однако такая индивидуально-конструктивистская перспектива очевидным образом противоречит образу общества складывающемуся под влиянием оформившегося радикализованного неравенства. Проблема как раз и состоит в том, что в рамках современных обществ сложилось такое неравенство, которое оказывается если не непреодолимым, то находится “вне зоны контроля” индивида. Это обстоятельство требует возвращения к проблемам теории и методологии социального неравенства и более пристальному анализу конструктивистского подхода, сложившегося в социологии в конце XX в. Как представляется, следует самым серьезным образом обсудить вопрос о возможностях индивида контролировать условия своей деятельности и своего существования в целом, о том, каковы условия и насколько широка “зона контроля”, а также насколько адекватны концептуализации социального неравенства, опирающиеся на индивидуально-конструктивистские подходы в терминах теорий жизненных шансов или доступа, которые в современных условиях фактически предлагают индивиду “игру с нулевой суммой”.

Общая практическая и теоретическая установка на то, что шансы индивида на успех и экономическое процветание не должны определяться обстоятельствами, “находящимися вне его зоны контроля”, в практическом плане производна от желания переложить бремя ответственности на самого индивида, а в теоретическом плане является результатом широко распространившейся в социальной науке конструктивистской установки в сфере методологии, делающей упор на индивидуальные социальные усилия, на субъектность. И практика, и теория сходятся тем самым в одной точке и в едином стремлении отказаться от желания рассматривать объективные социальные условия, независимые от субъекта и накладывающие объективные ограничения на его действия.

Это означает резкое ослабление внимания к исследованию проблем социального порядка, к вопросам группообразования, а в целом — к проблемам конституирования социальных структур общества.

Основу всего этого составляла и продолжает составлять либеральная перспектива, разводящая социальные и гражданские (политические) права. Фактически людей убеждают в том, что единственно достойными внимания и борьбы являются гражданские права инди-

⁶ World social report 2020. Inequality in a rapidly changing world / United Nations Department of economic and social affairs. N.Y., 2020. P. 4.

вида, “я” которого понимается как “атомарный энергичный носитель неограниченной воли к потреблению”. “Идеология гражданских прав при отсутствии социальных прав оформляет и восхваляет новый образ постбуржуазного, постпролетарского, сверхкапиталистического сверхчеловека. Это денационализированный *homo globalis*, оторванный от всякого этического сообщества, обладающий свободой жить конкурирующим образом в системе потребностей, консумистская монада”⁷.

Монадологическая, или индивидуалистическая перспектива получила широкое распространение в социологических теориях социального неравенства. Главный методологический тренд в этих теориях составил конструктивизм, укорененный в индивидуалистической перспективе.

Конструктивистский подход в теориях социального неравенства сложился из нескольких моментов. Во-первых, был фактически осуществлен отказ от рассмотрения общества на основе классического классового анализа, т.е. как разделенного на группы, исключаящие друг друга, как целостные политико-экономические образования, формирующие социальную структуру общества. Во-первых, в центр анализа с опорой на общие процессы эгалитаризма, характеризующие общества второй половины XX в., был помещен индивид, оснащенный и описываемый посредством ряда конкурентных ресурсов, таких как обладание различными типами капитала (П. Бурдье), жизненными шансами (Р. Дарендорф), стилем жизни (Ж. Бодрийяр, М. Фезерстоун), и ведущий посредством этих ресурсов позиционную борьбу в едином и когерентном социальном поле. В качестве ресурсов конкурентной борьбы предстают также различные социальные показатели, такие как образование, раса, гендер, здоровье, позволяющие выстраивать меритократическую социальную лестницу в рамках концепций жизненных шансов или теорий доступа.

Эти позиции, составляющие содержание конструктивистского тренда, лишают систему социального неравенства объективного структурного основания и делают ее результатом игры индивидуальных экономических, социальных и культурных усилий, сводя ее к некоей совокупности индивидуальных жизненных стратегий.

Это удобно в плане либерального прочтения неравенства, делающего конкретного индивида ответственным за свою социальную судьбу. Более того, такая позиция в известной мере соответствует положению дел в обществах массового среднего класса середины XX в., но не способна объяснить устойчивость, расширенное вос-

⁷ Fusaro D. Storia e coscienza del precariato. Milano, 2018. P. 200.

производство и непреодолимость современного поляризованного неравенства.

Для объяснения этого обстоятельства нужна смена методологической установки. Следует ограничить индивидуалистско-конструктивистский подход и вернуть в сферу анализа социального неравенства структуралистский подход, причем варианте классового подхода.

Классовая теория претерпела серьезные изменения по сравнению со своими классическими образцами, созданными К. Марксом и М. Вебером. Новизна современных классовых подходов состоит в их известной открытости конструктивистскому влиянию, но при этом они остаются, безусловно, структуралистскими, ориентированными на выявление объективных социальных структур.

Ярким примером в этом отношении является теоретический блок, посвященный концептуализации неравенства Э. Гидденсом и Ф. Саттоном (2017). Ими предложено следующее определение класса. Класс — это “сравнительная экономическая позиция больших социальных групп, определяемая родом деятельности, владением собственностью и выбором стиля жизни”⁸.

Согласиться с авторами этого определения в том, что класс — это “сравнительная экономическая позиция” едва ли возможно. Все три показателя класса — это объективные социально-структурные характеристики. Собственность — это политэкономическая категория; род занятий — структурно-функциональная, отражающая фундаментальные социальные структуры, в том числе нормативно-ролевой комплекс общества; стиль жизни — категория символического порядка потребления, ориентированная не столько на экономический, сколько на статусный порядок общества.

Это означает, что класс как “большая социальная группа” связан прежде всего с социальной структурой общества, которая и задает ему объективное содержание, выходящее за рамки “сравнительной экономической позиции”, а предложенная концептуализация класса на основе таких показателей как род деятельности, собственность и стиль жизни позволяет выявить объективное структурное основание неравенства.

Помимо этого следует также обратить внимание на тот факт, что ряд современных исследователей, рассматривая в качестве базовых показателей доход и потребление, подчеркивают, что эти показатели не являются социально-нейтральными и дополняют их такими как власть, влияние и престиж. Эти три последние показателя характеризуют неравенство как классовую структуру, структуру социального и политического доминирования (Э. Аткинсон, 2018).

⁸ Гидденс Э., Саттон Ф. Основные понятия в социологии. М., 2018. С. 161.

Структурный подход к анализу социального неравенства создает целый ряд аналитических преимуществ, которые позволяют концептуализировать социальное неравенство как укорененное в объективных социальных, экономических и культурных процессах исторической трансформации обществ и не являющееся простым результатом индивидуальных усилий отдельных акторов.

Социальное неравенство, его конкретная форма не отделима от конкретного исторического типа общества. Исторически конкретный тип общества, конкретные исторические процессы формируют одновременно и тип общества и структуру социального неравенства, задающую систему классов, жизненных шансов и возможностей доступа.

Современное неравенство — это результат движения от неравенства обществ массового среднего класса к неравенству современных биполярных обществ с радикализированным социальным неравенством. Понимание этого движения, а также самих обществ возможно только посредством обращения к содержанию конкретных исторических процессов, сформировавших эти общества.

Общества массового среднего класса оформились к середине XX в. как результат менеджериальной революции и появления крупномасштабных управленческих и сервисных структур фордистской эпохи, а также административно-управленческих структур национальных государств, культуры и науки. Массовый средний класс получил концептуализацию в теориях организованного капитализма, менеджериального, развитого индустриального и массового общества, а также постиндустриализма и общества потребления⁹. Во всех этих теориях было зафиксировано появление крупномасштабного социального образования (внутри себя дифференцированного), выполняющего управленческие и сервисные функции в сфере экономики, государства, культуры и науки. Это социальное образование, выполняющее разноуровневые управленческие и сервисные функции и достигающие 60% работающего населения, было концептуализировано как новый средний класс. Этот средний класс помимо функциональной роли обладал еще общими жизненными ориентациями и стереотипами потребления, сформированными обществом потребления. “Скромное обаяние буржуазии” — вот общий облик этого класса.

Однако в 1980-е гг. начали проявлять себя новые процессы — процессы информатизации, цифровизации, сетевизации, глобализации, а также общие процессы индивидуализации и эгалитаризации. Новый глобальный, цифровой мир сформировал новую структуру

⁹ См. об этом: Полякова Н.Л. XX век в социологических теориях общества. М., 2004.

радикализованного социального неравенства, которое стало внутренним содержанием социальных отношений нового биполярного общества. Радикализованное неравенство, массовый низший класс, бедность и бушующие в социальном низу конфликты — таков образ этого биполярного общества, получившего свою определенность в первые десятилетия XXI в.

Механизмы формирования радикализованного неравенства

В самом общем виде оформление современного радикализованного неравенства стало результатом тех исторических, экономических и социальных процессов, которые и сформировали базовые структуры современных обществ. Речь идет о процессах глобализации, информатизации сетевизации и индивидуализации, цифровизации и финанализации.

Именно эти процессы радикальным образом трансформировали современный мир труда, капиталистическую систему производства в целом и ту систему неравенства, которая сформировалась в общества середины XX в. в результате широко понимаемой менеджеральной революции и оформления нового среднего класса.

Новый средний класс обществ середины XX в. состоял из представителей управленческих и экспертных групп в сфере бизнеса, государства, науки, образования, социальной сферы. Это был сложносоставленный сервисный класс, который по своим функциям, уровню образования и дохода, представлял собой массовое и центральное образование в структуре обществ середины XX в.

Именно в силу значимости и массовости этого класса общества “позднего капитализма” середины XX в. в числе прочих своих наименований назывались обществами среднего класса, а также обществами потребления, поскольку именно потребление было одним из важнейших механизмов, объединяющих представителей этого класса.

В 1980-х гг. социальный ландшафт изменился. Фактически движение к неравенству и оформлению поляризованной системы неравенства означало разрушение массового среднего класса. Задача данной части статьи состоит в том, чтобы показать механизмы этого разрушения, как они были осмыслены и какую концептуализацию получили в социологической теории.

Одной из первых теорий, в которой были проанализированы процессы и механизмы становления нового неравенства, была теория “омоложенного капитализма” и “сетевого общества” М. Кастельса.

Новый капитализм как считает Кастельс, характеризуется организационной гибкостью и возросшими возможностями управления

рабочей силой. Ослабление политической организации рабочей силы привели к сокращению расходов государства всеобщего благосостояния — краеугольного камня общественного договора в индустриальную эру. Новые информационные технологии сыграли решающую роль в возникновении этого “омоложенного, гибкого капитализма, обеспечивая сетевые инструменты, дистанционные коммуникации, хранение/обработку информации, координированную индивидуализацию работы, одновременную концентрацию и децентрализацию принятия решений”¹⁰. Информационализм вобрал в себя те фундаментальные институциональные новации, с которыми был связан и постиндустриализм, такими как переход от массового производства к гибкому производству, т.е. переход от фордизма к постфордизму; от традиционной модели корпорации, основанной на вертикальной интеграции и иерархическом функциональном управлении к линейно-аппаратной системе строго технического и социального разделения труда на фирме, к которому куда более приспособлены мелкие и средние предприятия и постиндустриальной, и информационной экономики; а также оформившиеся новые управленческие стратегии, ориентированные на снижение уровня неопределенности. Кризис модели вертикальной корпорации явился в этом смысле ведущей тенденцией. Кастельс подчеркивает, что различные тенденции взаимодействуют и влияют друг на друга, но все они являются “различными измерениями одного фундаментального процесса: процесса распада вертикальной рациональной бюрократической модели, характерной для крупной корпорации в условиях стандартизированного массового производства и олигополистических рынков”¹¹. На руинах этого распада оформилось новое явление, новая организация — сетевое предприятие. Сетевое предприятие — организация, в которой цели и изменение целей формируют и постоянно меняют структуру средств. Именно эти процессы и привели к резкому сокращению среднего класса.

Однако общества, как подчеркивает М. Кастельс, не являются результатом технологических и экономических трансформаций, так же как и социальные изменения не могут быть сведены к институциональным кризисам и адаптации. “Новое общество возникает как результат структурной реорганизации в производственных отношениях, отношениях власти и опыта, что приводит к модификациям социальных форм пространства и времени, а также к оформлению

¹⁰ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000. С. 493.

¹¹ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. С. 170.

новой культуры”¹². Поэтому первое к чему обращается в связи с этим Кастельс — это изменения, которые в рамках информационного капитализма претерпевает наемный труд. Он указывает на сформировавшееся различие между «родовым трудом» (специализированным, базовым, связанным с определенным типом производства) и «самопрограммируемым трудом», основу которого составляет способность и доступ к получению более высокого образования и информации для постоянного изменения и приобретения все более продвинутых технологических и организационных навыков. Самопрограммируемый труд гибок и способен к быстрому перепрограммированию в свете постоянного инновационного процесса. Родовой труд, в отличие от самопрограммируемого, не связан с постоянным приобретением новых знаний и информации. Его представители выполняют рутинные функции, они взаимозаменяемы и могут быть вытеснены машинами. Этот «разлом» в трудовом процессе и порождает основные неравенства, оформившиеся в сфере наемного труда.

Что же касается «собственников», то в структуре этой группы Кастельс выделяет три уровня частнокапиталистического присвоения, три фракции капиталистического класса.

Первый уровень — это «держатели прав собственности». Второй уровень — это менеджеральная фракция капиталистического класса. Их отнесение к капиталистическому классу объясняется тем, что они имеют те же интересы и в своей практической логике принадлежат к той же капиталистической «культуре», что и владельцы собственности. Третий уровень присвоения прибыли лежит в природе глобальных финансовых рынков и является одновременно старой формой и фундаментальной особенностью информационного капитализма.

Все эти процессы определяют «взаимоотношения социальных классов» в сетевом капитализме. При этом Кастельс считает необходимым указать на три значения понятия «классовые отношения». Первое значение связано с пониманием классовых отношений как неравенства по доходу и статусу. В этой перспективе налицо тенденция возрастания социального неравенства и поляризации, которая является результатом трех процессов: существующего и возрастающего разлома между самопрограммируемым и родовым трудом; процесса индивидуализации труда, подрывающего его коллективную организацию; процессов глобализации, делегитимизации государства и гибели социального государства.

Второе значение понятия «классовые отношения» связано с его пониманием как «социального исключения». Речь идет о появлении

¹² Там же. С. 496.

большого числа людей, которые с точки зрения системы “ничего не значат ни как производители, ни как потребители”. Основная масса “родовой рабочей силы” не имеет постоянного места работы, их занятость носит случайный характер, они часто включены в неформальную деятельность, в том числе в криминальные зоны. Это порождает “спираль социального исключения”, которую Кастельс называет “черными дырами” информационного капитализма, из которых очень трудно выбраться»¹³.

Третье значение понятие “классовые отношения” связано с марксистской перспективой и ответом на вопрос: кто является производителями и кто присваивает продукт труда.

Ответ на вопрос о том, кто присваивает продукт труда производителей прост: его присваивают работодатели, как это было и в классическом капитализме.

Кастельс резюмирует свое исследование неравенства, или как он его называет “производственных отношений”, в следующих положениях: “фундаментальными социальными разломами в информационную эпоху являются: во-первых, внутренняя фрагментация рабочей силы на информационных производителей и заменяемую родовую рабочую силу; во-вторых, социальное исключение значительного сегмента общества, состоящего из сброшенных со счетов индивидов, чья ценность как рабочих и как потребителей исчерпана, и чья значимость как людей игнорируется; и, в-третьих, разделение рыночной логики глобальных сетей потоков капитала и человеческого опыта жизни рабочих»¹⁴.

Эти “разломы” и становятся основанием для формирования новой системы социального неравенства и нового типа общества, социальная структура которого определяется соответствующим типом неравенства.

Фактически речь идет о растущей поляризации неравенства, о процессах и механизмах формирования социального низа, низшего класса на основе целой серии новых признаков, таких как рост социальной эксклюзии, отчуждение, негарантированность существования, сверхэксплуатация.

Если к этим процессам добавить процессы разрушения фордистских иерархизированных систем организации и управления, замещаемых сетевыми постфордистскими структурами, что приводит к структурному разрушению рабочих мест массового среднего

¹³ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. С. 500.

¹⁴ Там же. С. 501.

класса, то картина нового типа социального неравенства становится достаточно полной.

Наряду с этим существует немалое количество концептуализаций, в рамках которых этот подход Кастельса с опорой на анализ “производственных отношений”, расширяется и углубляется. Среди этих концептуализаций следует назвать концепцию “когнитивного капитализма”, “эксплуатации второго порядка”, или “самоэксплуатации” Андре Горца, а также широко распространенные в современной социологии концепции прекариатизации.

Л. Горц высказал позицию, согласно которой для выявления характера современности следует анализировать не столько развитие науки и научно-технический прогресс, сколько живое опытное знание, воображение, интеллект, которые в своей совокупности составляют “человеческий капитал”. Это сдвигает перспективу с научно-технологического оснащения труда на сам живой труд и его современную природу.

По мнению А. Горца, информатизация повысила в цене именно незаменяемое, не поддающееся формализации знание. Спросом все более пользуются знания, выросшие из опыта, рассудительность, способность к координации, самоорганизации и нахождению общего языка с другими, т.е. те формы живого знания, которые приобретаются в обыденном опыте, общении и относятся к культуре повседневности. Более того, по мнению Горца, необходимо вообще отказаться от “когнитивного” подхода к труду. “Живое знание состоит из опыта и навыков, ставших интуитивной очевидностью и привычкой. Понятие интеллекта охватывает целый спектр способностей: от способности суждения и различения до душевной открытости и обучаемости новому, включая способность связывать новое с уже наличным опытным знанием”¹⁵.

Такой человеческий капитал индивидуален, не может быть стандартизирован и поэтому не может быть измерен не только временем, но и стандартизированной зарплатой. В результате создается уникальная ситуация: “возникает новый рынок — рынок человеческого капитала и на место наемного рабочего приходит трудящийся-предприниматель, который приглашен сам заботиться о своем образовании, повышении квалификации, медицинском страховании и т.д.”¹⁶. Отношение рабочей силы к самой себе становится предпринимательским, на месте старого отношения эксплуатации

¹⁵ Горц А. Нематериальное. Знание, стоимость и капитал. М., 2010. С. 21.

¹⁶ Там же. С. 13.

появляется “самоэксплуатация” и “самосбыт человекопредприятия”, бесчисленные “Я-АО”¹⁷.

Деятельность по самосозиданию и растущее значение живого труда вызвало не только глубочайшие изменения в характере труда, но и в его организации. Сетевые формы трудовой занятости позволяют фирмам сохранять лишь небольшое ядро постоянных сотрудников с полным рабочим временем — около 10%; 90% — это сменяющаяся масса внешних сотрудников с частичной или удаленной занятостью. Это позволяет нанимателям экономить на производственных затратах, на повышении квалификации сотрудников, медицинском страховании, пенсионном страховании. Все это “внешние” сотрудники должны полностью или частично оплачивать сами. Приставка “само” становится важнейшим требованием к современной рабочей силе: самоуправление, самоорганизация, самоответственность и самосбыт посредством саморекламы и других стратегий на рынке труда.

Подобное всеобщее распространение “самопредпринимательства”, означает “устранение наемного труда” и превращение человека и всей его жизни в капитал, с которым он себя полностью идентифицирует, оно предполагает “тотальную мобилизацию” личности как “человека-работника”, т.е. появление эксплуатации второй степени. А. Горц называет это “тотальной мобилизацией”, фактической самоэксплуатацией. Сложившаяся практика самоэксплуатации сопряжена с риском, негарантированностью, случайностью существования современного человека. Специфические процессы, протекающие в трудовой сфере, порождают новое социальное расслоение, новую социально-экономическую поляризацию.

Один из современных исследователей этих процессов, Гай Стэндинг изучает их как новейшее явление, сформировавшееся под влиянием внедряемых в жизнь неолиберальных идей, согласно которым рост и развитие зависит от рыночной конкурентоспособности, гибкости и подвижности рынка труда, и поэтому необходимо, чтобы рыночные принципы проникли во все аспекты жизни. Это значит переложить бремя рисков на плечи работающих и их семей, сделав их еще более уязвимыми, что объективно усугубляет неравенство. В результате возникает «класс мирового “прекариата”, насчитывающий в разных странах много миллионов людей, не имеющих якоря стабильности»¹⁸. Основной опыт и ощущение жизни этих людей состоит в нестабильности и незащищенности, в страхе и неуверенности.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. М., 2014. С. 10.

Неолиберальная идеология и ее теоретики осуществили тотальную критику всего послевоенного социального опыта: социального государства, социальных гарантий для промышленного рабочего класса и бюрократического госсектора, лейбористской идеологии и профсоюзного движения. Взамен было выдвинуто требование “гибкости рынка труда”. Гибкость включала множество аспектов: гибкость заработной платы (в сторону понижения); гибкость занятости (в сторону понижения и сокращения гарантий); гибкость перемещения с одной должности на другую; гибкость профессиональных навыков (требование постоянного переучивания сотрудников). Распространение гибкого труда привело к усилению неравенства, и “классовая структура, лежавшая в основе индустриального общества, уступила место чему-то более сложному, но явно не менее классово-обоснованному. [...] Миллионы людей в условиях процветающей или зарождающейся рыночной экономики образовали прекариат — феномен совершенно новый, даже если он и имел какие-то смутные прообразы в прошлом”¹⁹.

Стэндинг выделяет семь классовых групп в современном обществе: 1) крошечная элита, состоящая из небольшого числа невероятно богатых граждан; 2) салиариат — группа обладающая стабильной занятостью и социальными гарантиями (пенсиями, оплачиваемыми отпусками, корпоративными пособиями и т.д.); 3) группа “квалифицированных кадров” (консультанты и независимые специалисты по контракту); 4) костях старого “рабочего класса”, ряды которого поредели и утратили чувство социальной солидарности; 5) растущий прекариат; 6) армия безработных; 7) обособленная группа социально обездоленных, живущая подачками общества²⁰. Шесть из этих семи групп находятся в зоне риска, любой член этих групп может сползти в низший класс.

Современный прекариат обладает классовыми характеристиками, но стоит особняком, поскольку состоит из людей, которые минимально связаны с капиталом и государством, и не вписаны в отношения “общественного договора”, унаследованного от промышленного общества. На него не распространяется программа “индустриального гражданства”, созданная, но “забытая” промышленным пролетариатом. Прекариат имеет “урезанный статус”, поскольку не вписан в старые представления о классе или профессии. У прекариата отсутствует не только гарантия занятости, для него характерна нестабильность рабочего места и дохода. У него характерная, спец-

¹⁹ Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. С. 19.

²⁰ Там же. С. 21–22.

ифическая структура дохода. Его доход состоит из зарплаты, но в нем отсутствуют гарантированные пособия и льготы от государства или предприятий, любые дополнительные выплаты.

Еще одной чертой прекариата является отсутствие самоидентификации на основе трудовой деятельности. Представители прекариата занимают должности в карьерном плане малоперспективные, они не имеют традиций и социальной памяти, чувства причастности к конкретному трудовому или профессиональному сообществу, его практикам, этическим и поведенческим нормам, не испытывают чувства взаимной поддержки и товарищества. Главные чувства, присущие прекариату — это недовольство, anomia, тревога и отчуждение.

Эта социальная группа постоянно расширяется и в нее легко попасть представителям других социальных классов. Она расширяется за счет “скатывающихся” под влиянием политики “гибкости” представителей салиариата, специалистов и техников, независимых и зависимых специалистов, работающих по договору, за счет женщин, которых вытесняют в неполную занятость, за счет людей с временной занятостью, мигрантов, молодых стажеров и т.д. У прекариата нет лестниц мобильности, его представители “зависают” где-то между сильнейшей самоэксплуатацией и свободой, частичной занятостью и слишком большой занятостью. “Прекариатизация” становится мощным и фундаментальным процессом, характеризующим трудовую сферу современного капитализма, механизмом, формирующим современное радикализованное неравенство.

Стэндинг скептически, в русле критики научно-технического прогресса и критики инструментального разума у франкфуртцев, относится к роли, которую играют сетевые интернет-технологии в отношении возможностей роста и профессионального успеха. Причиной этого является “прекариатизированное мышление”. По его мнению не нужно быть технологическим детерминистом, чтобы понять, что технологический ландшафт определяет наше мышление и поведение, а представители прекариата не способны контролировать технологические силы, с которыми они сталкиваются. При этом очевидно, что “электронная техника, проникающая во все аспекты нашей жизни, имеет огромное влияние на человеческий мозг, на образ мышления и, что еще тревожнее, на нашу способность мыслить. И то, как она это делает вполне согласуется с понятием прекариата”²¹. Интернет “переписывает мозги” по-своему. Цифровой мир не признает долгих размышлений и раздумий, требует мгновенных реакций и краткосрочных решений. В этом есть определенные выгоды, но «в жертву

²¹ Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. С. 39.

приносится “образованность” и сама идея индивидуальности. Это шаг к обществу, в котором большинство членов имеют социально сформированные мнения, быстро и охотно перенимаемые, поверхностные, тяготеющие к коллективному одобрению, а вовсе не к оригинальности и креативности. Для этого есть множество научных терминов, например, “непрерывное частичное внимание” и “когнитивное расстройство”²². Происходят интеллектуальные, эмоциональные и поведенческие изменения, и это также согласуется с процессом прекариатизации. Это тем более настораживает, что конец XX — первые десятилетия XXI в. продемонстрировали резкий рост прекариата и его повсеместное распространение. Среди причин или процессов, приведших к этому росту и его интенсификации в первое десятилетие XXI в. Г. Стэндинг называет ретоваризацию труда, связанную с переходом к гибким трудовым отношениям: гибкости численности; функциональной гибкости и негарантированности рабочего места, демонтажа профессий и профессиональной реструктуризации; гибкости системы заработной платы и реструктуризации общественного дохода. А также финансовый шок 2008–2009 гг., безработицу и нестабильность, подстегнувшие рост мирового прекариата, демонтаж бюджетного сектора, который долго оставался сферой пребывания салиариата, но в результате финансовых кризисов начала XXI в. превратился в зону нестабильности и стал местом прекариатизации.

По мнению Диего Фузаро прекариат можно понимать как эволюцию пролетариата, а также как эволюцию логики конфликта, характеризующего его положение в обществе. Эта логика соответствует новейшему состоянию капитализма, в котором сочетаются нищета и овеществление, эксплуатация и всеобщее диффузное недовольство. “Если пролетариат является угнетаемым классом в рамках диалектической и фордистской фазы исторического конфликта, то прекариат является угнетаемым классом в рамках абсолютно-тоталитарной и гибкой фазы современного капитализма”²³.

Вместе с тем, исторический образ прекариата нельзя полностью включить в образ пролетариата, логику конфликта, эксплуатации и условий существования пролетариата. Тем не менее, прекариат представляет собой воплощение эволюции пролетариата, интенсификацию логики его существования.

Интенсифицируется эксплуатация, которой подвергался пролетариат. Ослабевает, если не разлагается классовое сознание. Это

²² Там же. С. 40.

²³ *Fusaro D. Storia e coscienza del precariato. Servi e signori della globalizzazione. Milano, 2018. P. 71.*

исключает то, что прекариат сегодня можно считать чем-то в себе и для себя²⁴.

В настоящее время, считает Д. Фузаро, угнетаемые являются носителями сознания, которое является “прекариатным” или “текучим”, т.е. фрагментарным, мобильным и некогерентным. Они не обладают субъективным сознанием своего объективного положения эксплуатируемых и угнетенных. Они просто образуют массовые социальные низы.

Во многом это можно объяснить тем обстоятельством, что прекариатизация затрагивает самые различные группы населения и не в последнюю очередь различные слои среднего класса. И в этом плане можно с уверенностью утверждать, что поляризованное социальное неравенство является результатом не только неолиберальной политики, господствующей в современных обществах, и кризиса социального государства, но и процессов более глубинных, таких как процесс технологического замещения труда, его цифровизации и сетевизации, распространившийся на средние классы, на всю сервисную составляющую современной экономики. Эти процессы привели к “вымыванию” средних классов из социальных структур современных обществ, их проседанию в низшие слои, в низший класс.

Процесс технологического замещения труда является фундаментальным процессом для промышленного капитализма, осуществляющего систематическое внедрение новой техники для решения проблем усиления конкурентоспособности, увеличения производительности труда и нормы прибыли в рамках общего процесса рационализации процесса производства и управления. “Механизация вплоть до 1980–1990-х годов в первую очередь замещала ручной труд. Однако, последняя технологическая волна принесла с собой замещение управленческого труда и первое сокращение среднего класса”²⁵.

Р. Коллинз, например, называет пять основных механизмов, посредством которых осуществляется вымывание средних классов.

Во-первых, речь идет о новых технологиях. В настоящее время наблюдается сокращение рабочих мест не только в промышленности и в аграрном секторе, но и сфера услуг подвергается давлению информационных технологий. В ней люди также замещаются и вытесняются таким образом, что компьютеризация рабочих мест среднего класса не возмещается созданием новых рабочих мест.

Во-вторых, ранее выходом из кризиса, порожденного технологическим замещением, было географическое расширение рынков.

²⁴ Ibid. P. 73.

²⁵ Коллинз Р. Средний класс без работы: выходы закрываются // Есть ли будущее у капитализма. М., 2015. С. 63–64.

Опираясь на анализ процессов глобализации, модернизации, догоняющего и ускоренного развития, Р. Коллинз утверждает, что возможности данного «предохранительного клапана исчерпаны. Глобализация приводит к гомогенизации рабочей силы высшего и среднего класса на едином рынке труда, жизнь их представителей наполнена конкуренцией и неопределенностью, а глобальная миграция представителей среднего и высшего класса ведет к резкому сокращению их рабочих мест.

В-третьих, на современном этапе финансиализации, особенно после финансового краха 2008 г., перестал работать прежний механизм финансовых рынков, позволявший ранее мелким вкладчикам вести жизнь финансовых игроков, сохраняя и поддерживая свое экономическое и социальное положение в качестве представителей средних классов.

Четвертый механизм вымывания средних классов связан с процессом технологического замещения в сфере государственной службы и госинвестиций. Этот кейнсианский рецепт “государства всеобщего благосостояния” в историческом варианте 1930-х, 1940-х и 1950-х годов ушел, по мнению Р. Коллинза, в прошлое. Стимулируя найм, государство тогда создавало главным образом административные и служебные должности для среднего класса. Но сегодня тренд к автоматизации и компьютеризации такого рода занятий так или иначе затронул и государственную службу»²⁶.

Пятый механизм вымывания средних классов связан с инфляцией дипломов об образовании: “Инфляция дипломов — это рост требований к образованию соискателей рабочих мест среднего класса по мере увеличения доли населения, получающей образование все более высокого уровня”²⁷. Инфляция дипломов помогает поглощать избыточную рабочую силу, удерживая все большее число людей от выхода на рынок труда. По мнению Р. Коллинза, система массового образования фактически действует в качестве кейнсианского механизма распределения скрытых социальных пособий. Однако и система образования в настоящее время также становится еще одним сектором занятости, который начинает претерпевать процесс технологического замещения.

Компьютеризация труда среднего класса началась в последнем десятилетии XX в. и происходит гораздо быстрее, чем в свое время механизация ручного труда, которая заняла весь XIX в. и три четверти XX в. Для представителей средних классов к 2040 г. будет достигнута

²⁶ Коллинз Р. Указ. соч. С. 79.

²⁷ Там же. С. 83.

50% безработица, а затем вскоре и 70%. По мнению Коллинза сам процесс технологического замещения труда и вымывания средних классов означает кризис капитализма, самый серьезный кризис, который претерпевают современные общества. Составляющие современного кризиса выглядят у него следующим образом: во-первых, бюджетный кризис; государство уже не способно оплачивать счета, содержать силы безопасности, армию и полицию, оплачивать военные расходы. Во-вторых, раскол в верхах относительно политики в ситуации бюджетного кризиса. Раскол в элите будет усиливаться военными поражениями, которые дискредитируют правительство и приведут к требованиям радикальных преобразований. В-третьих, раскол элит парализует государство и открывает возможность для новой политической коалиции, заявляющей радикальные революционные цели и возглавляемой представителями высшего и среднего класса. Революции, как считает Р. Коллинз, будут происходить в будущем, даже если они не будут сопровождаться военными поражениями.

Множество процессов и проблем усложняет будущее: глобальная неравномерность развития, массовая миграция, войны, этнические и религиозные конфликты, старение населения, рост государственных расходов. Но главной проблемой станет кризис капитализма, современным симптомом которого является, по мнению Коллинза, исчезновение средних классов. Именно технологическое замещение труда среднего класса вызовет крах капитализма еще до конца XXI в. Это не станет, однако, концом истории. Но “что бы ни пришло на смену капитализму, ему прежде всего придется заняться полномасштабным перераспределением частных состояний и активов, генерируемых капиталистическим бизнесом и финансовыми манипуляциями”²⁸.

Однако до того, как возможно произойдет столь масштабное переформатирование социальной системы, о которой говорит Р. Коллинз, общества будут существовать как структурированные на основе поляризованного социального неравенства с биполярной социальной структурой.

Как с очевидностью демонстрируют все рассмотренные концептуализации оформления современного радикализованного неравенства, оно не является социально и политически нейтральным, не порождает ни солидаризм, ни консенсус. Оно предстает и рассматривается как явление кризисное, как явление конфликтное. “Кризис капитализма”, “прекариатизация”, “прекариат как новый опасный класс”, “самоэксплуатация”, “эксплуатация второго порядка” — все это базовые понятия, посредством которых выносятся социологи-

²⁸ Коллинз Р. Указ. соч. С. 105.

ческий диагноз современности, выявляются болевые точки складывающегося социального порядка, указывается на главный конфликт современного биполярного общества и на само биполярное общество как конфликтное по самой своей природе образование.

Биполярное общество и его вызовы

Биполярное общество — это общество, которое представляет собой пирамиду с очень узкой усеченной вершиной и широким основанием. Оформление такого общества уже в середине 1980-х гг. было предсказано Ф. Ферраротти. Согласно Ф. Ферраротти вершину этого общества составляют “династические” группы, проникновение в которые практически невозможно. Они взаимно переплетаются и не обладают властью над теми, кто составляет основание пирамиды. Они политически неграмотны. Их политическая неграмотность является результатом того, что новые технологии и технологический прогресс в целом, модифицируя средства производства, продуцирует низовую дислокацию власти и порождает непричастность к ней старых элит, а новые элиты оказываются не в состоянии выработать легитимирующую идеологию. Социальный низ порождает своих собственных “трибунов” и политических лидеров. И благодаря новым технологиям это общество не будет вялым и конформистским, оно будет таким, в котором естественная социальность индивида раскрывается и реализуется наиболее полно. Это будет общество спонтанной экспрессивности, которая будет выражаться не только в различного рода социальных движениях, но и в больших и массовых протестных манифестациях по самым различным поводам. Оформится групповая интерсубъективная культура, которая будет “бушевать” в низовой части пирамиды, выдвигая своих лидеров и глашатаев. Этот прогноз Ф. Ферраротти из середины 1980-х во многом реализовался в современных обществах.

Риски и вызовы, с которыми столкнулись современные биполярные общества, огромны, и в настоящее время эти вызовы выходят далеко за рамки переосмысления теоретических схем, сложившихся в послевоенных теориях общества. В современную повестку дня должны быть включены вопросы, касающиеся целостного социального устройства и тех фундаментальных принципов, на которых базируется современный социальный порядок. Эти вопросы в равной мере касаются экономики, институционального социального порядка и политического устройства современных обществ. Послевоенный мир “дрогнул”, и вопросы природы современного капитализма, взаимодействия современных социальных классов и либеральной демократии как основания политического порядка вышли из тени

и перестали относиться к категории самоочевидных, решенных и постисторических.

Современные общества — это общества отличающиеся от обществ XX в., в рамках которых существовала достаточно сложная система распределения политической власти. Речь идет о том, что экономическая власть была поставлена под контроль, с одной стороны, политикой социального государства, а, с другой стороны, трудом, организованным рабочим классом, профсоюзами, отстаивающими идеологию справедливого перераспределения доходов и требующих социальных гарантий. Фактически таков был общественный договор, в рамках которого капитализм существовал до 1980 гг., вынужденный подчиняться политике ограничения свободной игры рыночных сил.

В историю этот период 1950–1980-х гг. вошел как “золотое тридцатилетие”, в рамках которого оформилось то, что, в частности, получило концептуализацию как “общество потребления”. Потребление фактически стало инфраструктурой этого общества массового среднего класса.

Однако “золотое тридцатилетие” закончилось в 1980-х гг. Ушел в прошлое мир труда и сильных профсоюзов, социального солидаризма, растущих зарплат и сбережений. Пришла безработица, упадок городов, преступность, ухудшение системы здравоохранения, упадок социального государства.

Все это получило наименование “кризиса”. Стучилось так, что функционирование экономики, ее продуктивность уже были не в состоянии обеспечивать и “общество потребления”, и функционирование социального государства. Это поставило под вопрос общественный договор, status quo в широком смысле слова, социальную стабильность.

Объективная потребность сохранить социальную стабильность, теснейшим образом связанную с привычным уровнем потребления, а также ресурсное обеспечение социального государства побудили к поиску средств решения этой проблемы. Политические элиты предложили выход из кризиса на путях идеологи неолиберализма. На смену устойчивому росту зарплат пришла система займов и кредитования населения. Потребители превратились в прямых участников рынков, наступила эпоха финансиализации.

Финансализация решает множество проблем, но главное состоит в том, что она обеспечивает покупательную способность массового населения посредством системы кредитования. Она заменяет кредитованием необходимое повышение зарплат в ситуации инфляции. Это запускает процесс пауперизации массового населения и вместе

с тем повышает прибыльность кредитования для банков и финансовых рынков.

Результатом становится радикальная поляризация неравенства. Увеличение богатства наверху социальной иерархии осуществляется за счет доведения до бедности всего населения. «Правда состоит в том, что поскольку финансы просочились в нашу повседневную жизнь, мы стали рабами не только машин и повседневной рутины с девяти до пяти, но и процентных платежей. Мы обеспечиваем прибыль не только нашим начальникам, работая на них, но и финансовым посредникам через взятые у них кредиты... Каждый человек может обеспечивать финансовую прибыль, просто потребляя, — а самую высокую прибыль могут обеспечивать самые бедные»²⁹.

Потребление порождает процесс закредитованности населения, а финансализация предстает как форма борьбы классов, ведущая к пауперизации населения, усилению социального неравенства и оформлению биполярной структуры общества.

Растущее экономическое неравенство запускает не только процесс массовой пауперизации, оно подрывает экономический рост и социальную солидарность. Подрыв социальной солидарности ведет к обострению социальных конфликтов, нередко принимающих форму новой борьбы классов: «борьбы классов после классовой борьбы», которая ведется сверху с позиций силы³⁰. Борьба классов осуществляется в сфере политики посредством законов, создаваемых правительствами и парламентами, которые, невзирая на видимость ориентации на общее благо, укрепляют позиции и защищают интересы господствующего класса и противодействуют тому, чтобы другие классы утверждали свои интересы.

Типичный способ ведения борьбы классов — фискальная нормативность. В последние десятилетия это осуществлялось двояко: посредством серьезного снижения налогов для богатых и перекладывание налогов на общество. Это уменьшает поступления в национальный бюджет, что делает необходимым урезание расходов, полезных для трудящихся. Суть вопроса в том, что «налоговые преимущества напрямую ведут к общему ухудшению качества жизни трудящихся классов и средних классов»³¹.

Налицо и другие средства ведения классовой борьбы верхов по отношению к низам с использованием в качестве инструмента законодательного процесса. На передний план следует поставить

²⁹ Мейсон П. Посткапитализм: путеводитель по нашему будущему. М., 2016. С. 48.

³⁰ Gallino L. La lotta di classe dopo la lotta di classe. Roma, 2012.

³¹ Gallino L. La lotta di classe dopo la lotta di classe. Roma, 2012. P. 26.

политику и законы, которые представляют безработицу и нищету в качестве неизбежного зла вместо того, чтобы бороться с ними. Атака класса-победителя на трудящиеся классы и средние классы в последние годы приняла форму атаки на публичные системы социальной защиты. Можно сказать, что совокупность форм социальной защиты, известных как “европейская социальная модель”, уже давно подвергается атаке. Все это особенно усилилось начиная с весны 2010 г. во имя необходимости санации и мер экономии — экономических мер, которые бьют прежде всего по бедным слоям населения.

Среди других форм борьбы классов в современном мире Л. Галино указывает такую как перераспределение земельной собственности в пользу крупных корпораций. Крестьяне, которые якобы недостаточно продуктивны и не применяют современные технологии, уходят в города, многие из них оказываются в трущобах. Обитатели трущоб по определению лишены какой-либо власти и влияния. Выделение скудных ресурсов на борьбу с бедностью, нищетой и голодом также представляет собой форму классовой борьбы. Это не прямая борьба, она отличается от фискальной, однако, она не менее важна и стоит в повестке дня.

Можно говорить и о других формах борьбы классов вдобавок к указанным. К примеру, атака на профсоюзы. В течение 30 послевоенных лет профсоюзы оказывали значительное влияние на перераспределение доходов в пользу трудящихся, а также способствовали расширению прав трудящихся. Именно в силу этих двух моментов профсоюзы, начиная с 1980-х в Европе, подвергаются мощной атаке со стороны правоцентристских, а иногда и левоцентристских правительств. Эта атака приводит к значительному уменьшению членства в профсоюзах, особенно в промышленности и в сфере услуг. Правоцентристы развернули кампанию, ориентированную на то, чтобы изобразить профсоюзы ретроградными реликтами прошлого, нефункциональными институтами. Левоцентристы по преимуществу считают, что профсоюзы должны “модернизироваться”, т.е. принимать любые условия труда. Все это часть современной классовой борьбы: “борьбы классов после классовой борьбы”, ведущейся, как считает Л. Галино, классом-победителем “сверху”, на своих условиях.

Подобного рода “борьба классов сверху” встречает достаточно серьезное сопротивление снизу, со стороны всего остального общества. Протестные движения и настроения, в рамках современных обществ широкомасштабны и многоаспектны — от движений против экономического неравенства и растущей бедности, за социальные права и восстановление социального государства до различного рода движений протеста, возникающих спонтанно, зачастую по слу-

чайным поводам, но отличающимся высоким уровнем экспрессии. Такого рода протестные движения известны, но непредсказуемы и часто принимают экстремальные формы. Примером можно считать протесты “Black lives matter”.

Однако, в последние годы возникла новая, и в некотором смысле неожиданная ситуация на политическом ландшафте современных обществ.

Оформилось недовольство существующим социальным порядком, сопряженное с широко распространившимся и устойчивым чувством глубокого недоверия современным социальным институтам и бюрократиям, современным системам управления обществом, апеллирующим в своей деятельности к формальному праву, формальным принципам и нормам. Эти последние рассматриваются как несправедливые и “далекие от интересов народа”. На основе этих протестных настроений оформляется современная идеология популизма.

Идеология популизма, как считают современные исследователи, является одной из радикальных современных идеологий, разрушающих основополагающие устои современного западного мира, к которым относится в первую очередь идеология либерально-демократического порядка.

Один из современных исследователей популистских движений, Я. Мунк довольно образно описывает происходящее. До недавнего времени, пишет Я. Мунк, экономики росли, а демократия казалась незыблемой. Радикальные идеологии не играли значительной роли, будущее, как казалось, будет походить на прошлое. Но будущее пришло и оказалось другим: избиратели разочаровались в либеральной демократии, авторитарные популисты на подъеме, а демократии трансформируются в “избирательные диктатуры”. Сегодня мир переживает популистский момент. Вопрос состоит, по мнению Я. Мунка, в том, не трансформируется ли этот популистский момент в популистскую эпоху, поставив под угрозу само выживание либеральной демократии. Это касается обеих частей — и демократии, и либерализма, которые, по широко распространенному ранее убеждению, образуют когерентную совокупность. Однако современность опровергает это убеждение.

Как считает Я. Мунк, современность характеризуется тем, что “мнения людей становятся все более нелиберальными, а предпочтения элит все более антидемократическими, либерализм и демократия начинают расходиться. Либеральная демократия — уникальное сочетание индивидуальных прав и народного управления — в течение долгого времени преобладавшая в Северной Америке и Европе, начи-

нает рушиться. Она начинает замещаться нелиберальной демократией, или демократией без прав, а также антидемократическим либерализмом, или либерализмом без прав”³². Все это является результатом трех причин. Во-первых, прекращением роста доходов населения с 1980-х гг. Договор между элитой и народом практически расторгнут. Во-вторых, резким ростом миграции, которая изменила общества. Закончилась эра расовой и этнической однородности. В-третьих, доступностью средств массовой коммуникации и интернета. Если раньше СМИ были доступны только элитам, и это обеспечивало порядок, то сейчас они доступны всем, и это порождает беспорядок.

Либеральные демократии обладают механизмами контроля, целью которых является воспрепятствовать получению кем-либо чрезмерной власти, а также примирить интересы различных индивидов, групп и общества в целом. Однако, по мнению популистов, воля народа не должна быть ничем опосредована и всякий компромисс с меньшинствами или индивидуальными правами представляет собой форму коррупции. В этом смысле “популисты глубоко демократичны” и “глубинным образом не либеральны”. Голос народа, как они считают, не должен заглушаться ни независимыми институтами, ни индивидуальными правами.

Отказ от либеральной демократии принимает различные формы: от иерархической и базирующейся на националистических основаниях до антидемократического либерализма, который утвердился в Северной Америке и странах Западной Европы. В первом случае налицо отсутствие уважения к независимым институтам и правам индивидов, во втором — желание элит отгородиться от населения и принудить его к послушанию посредством бюрократических институтов, формальных процедур и апелляции к рационально-технократическим принципам принятия решений. В результате в одном случае предпочтения народа становятся все менее либеральными, а в другом элиты захватывают политическую систему, делая ее все более закрытой, и все меньше прислушиваются к мнению народа. Либерализм и демократия очевидным образом вступают в конфликт, утрачивается их дополняющий друг друга эффект, стабильность, устойчивость и когерентность социально-политической системы. Это и порождает высочайший уровень конфликтности, бушующее море страстей в низшем классе, в низах общества.

К нарисованной картине необходимо добавить следующее. Становление популизма является результатом оформления “будущего мира” прекариатизированных масс населения и низшего класса, рас-

³² Mounk Y. The people vs. democracy: Why our freed an is in danger and how to save it. Cambridge, 2018. P. 24.

пада политической и социальной связи между элитами и массовыми низшими слоями, управляемыми технократическими решениями глобальных универсалистских институтов и бюрократий. Распадается общество, и без решения проблемы поляризованного социального неравенства не может быть возвращения к когерентному и устойчивому социальному порядку.

Поляризованное социальное неравенство, являющееся структурным основанием современных биполярных обществ, представляет собой внутренне некогерентное и конфликтное образование. Его составляют, с одной стороны, политические элиты, пытающиеся управлять обществом посредством бюрократических институтов с опорой на рационально-технократические принципы принятия решений, основу которых составляет неолиберальная идеология глобализма, “бушующее море” массового прекариатизированного социального низа, лишенного гарантий и даже будущего — с другой. Этот “низ” оспаривает власть современной технократической бюрократии, идеологии глобализма, выдвигая свои требования в виде популистских и крайне правых идеологий. История ставит вопрос о новом социальном переструктурировании. Это является вопросом и для современной социологической теории.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аткинсон Э.* Неравенство: как с ним быть? М., 2018.
- Балибар Э., Валлерстайн Н.* Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности. М., 2004.
- Бауман З.* Ретротопия. М., 2019.
- Гарр Т.Р.* Почему люди бунтуют. СПб., 2005.
- Гидденс Э.* Неспokoйный и могущественный континент: что ждет Европу в будущем? М., 2015.
- Гидденс Э., Саттон Ф.* Основные понятия в социологии. М., 2018.
- Горц А.* Нематериальное. Знание, стоимость и капитал. М., 2010.
- Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000.
- Калхун К.* Что грозит капитализму сегодня? // Есть ли будущее у капитализма? М., 2015. С. 216–268.
- Коллинз Р.* Средний класс без работы: выходы закрываются // Есть ли будущее у капитализма? М., 2015. С. 61–112.
- Кимелев Ю.А., Полякова Н.Л.* Модерн и процесс индивидуализации: исторические судьбы индивида модерна. М., 2017.
- Манн М.* Конец, может, и близок, только для кого? // Есть ли будущее у капитализма? М., 2015. С. 113–155.
- Мейсон П.* Посткапитализм: путеводитель по нашему будущему. М., 2016.
- Пикетти Г.* Капитал в XXI веке. М., 2015.
- Полякова Н.Л.* XX век в социологических теориях общества. М., 2004.
- Стэндинг Г.* Прекариат: новый опасный класс. М., 2014.
- Шapiro И.* Политика против господства. М., 2019.

REFERENCES

- Atkinson E.* Neravenstvo: kak s nim byt'? [Inequality: How to Deal With It?] M., 2018 (in Russian).
- Balibar E., Vallerstajn N.* Rasa, naciya, klass. Dvumyslennyye identichnosti [Race, nation, class. Ambiguous identities]. M., 2004 (in Russian).
- Bauman Z.* Retrotopiya [Retrotopia]. M., 2019 (in Russian).
- Fusaro D.* Storia e coscienza del precariato. Milano, 2018.
- Gallino L.* La Lotta di classe dopo la lotta di classe. Roma, 2012.
- Garr T.R.* Pochemu lyudi buntuyut [Why do people rebel]. SPb., 2005 (in Russian).
- Giddens E.* Nespokoynyy i mogushchestvennyy kontinent: chto zhdet Evropu v budushchem? [A Restless and Powerful Continent: What Awaits Europe in the Future?]. M., 2015 (in Russian).
- Giddens E., Satton F.* Osnovnyye ponyatiya v sociologii [Basic concepts in sociology]. M., 2018 (in Russian).
- Gorc A.* Nematerial'noe. Znanie, stoimost' i kapital [Intangible. Knowledge, value and capital]. M., 2010 (in Russian).
- Kastel's M.* Informacionnaya epoha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura [Information Age: Economy, Society and Culture]. M., 2000 (in Russian).
- Kalhun K.* Chto grozit kapitalizmu segodnya? [What Threatens Capitalism Today?] // Est' li budushchee u kapitalizma? M., 2015. S. 216–268 (in Russian).
- Kollinz R.* Srednij klass bez raboty: vyhody zakryvayutsya [Middle class without work: exits are closing] // Est' li budushchee u kapitalizma? M., 2015. S. 61–112 (in Russian).
- Kimelev Yu.A., Polyakova N.L.* Modern i process individualizacii: is-toricheskoe sud'by individa moderna [Modernity and the process of individualization: the historical fate of the modern individual]. M., 2017 (in Russian).
- Mann M.* Konec, mozhet, i blizok, tol'ko dlya kogo? [The end may be near, but for whom?] // Est' li budushchee u kapitalizma? M., 2015. S. 113–155 (in Russian).
- Mejson P.* Postkapitalizm: putevoditel' po nashemu budushchemu [Postcapitalism: A Guide to Our Future]. M., 2016 (in Russian).
- Mouk Y.* The people vs. democracy: why our freedom is in danger & how to save it. Cambridge, 2018.
- Piketti G.* Kapital v XXI veke [Capital in the XXI century]. M., 2015 (in Russian).
- Plender J.* Capitalism, money, morals and markets. L., 2015.
- Polyakova N.L.* XX vek v sociologicheskikh teoriyah obshchestva [XX century in sociological theories of society]. M., 2004 (in Russian).
- Rifkin J.* The age of access: the new culture of hyper capitalism, where all of life is a paid-for experience. N.Y., 2000.
- Shapiro I.* Politika protiv gospodstva [Politics against domination]. M., 2019 (in Russian).
- Stending G.* Prekariat: novyy opasnyy klass [Precaria: A New Dangerous Class]. M., 2014 (in Russian).